

ИЗ ИСТОРИИ ГАЙДАРОВЕДЕНИЯ

Н. Гилева

О РАССКАЗЕ А. ГАЙДАРА «ЧУК И ГЕК»

IN MEMORIAM

Надежда Степановна Гилева (1947–1987) — одна из моих любимых учениц по филфаку Ленинградского университета, где я преподавал в 1962–1968 гг. На семинаре 2-го курса Надя избрала эту тему и весной 1967 г. подала мне в качестве завершающей семинарской работы. Этот первый научный труд предвещал развитие способного литературоведа.

Мне сразу бросилась в глаза увлеченность студентки сложной системой образов и ее многоаспектный анализ этой системы: повествование, отмечает она, ведется то от лица автора, то как бы от имени героев, Чука и Гека. В семинарской работе дается при этом краткая, пунктирная характеристика морально-психологического облика персонажей, подчеркивается их индивидуализация, своеобразие. Очень интересны стилистические наблюдения Н. С. Гилевой.

Жанр и тема так увлекли студентку, что она навсегда сделала русскую детскую литературу главной областью интересов. В последующие годы учебы в университете она продолжала заниматься детской литературой под руководством доцента кафедры советской литературы Н. А. Морозовой. А по окончании университета увлеченно и преданно погрузилась в школьное преподавание в родной Перми, отодвигая мысли об аспирантуре ради своих подопечных. Мои знакомые и ее земляки, преподаватели Пермского университета, рассказывали о больших успехах моей ученицы в качестве учителя русского языка и литературы. В 1987 г. Надя ушла из жизни (рак). Так, в зародыше погиб замечательный исследовательский талант, но преподавательский развивался глубоко. Хотя со времени создания работы прошло почти полвека, она несколько не устарела. Считаю, что ее публикация будет полезной для творческой молодежи.

Профессор Б. Ф. Егоров

Гайдар — особенный писатель. И вот в чем эта особенность: «Он стал для ребят писателем-вожатым, то есть сумел сочетать в своем лице и талантливого — немножко себе на уме — педагога, и веселого старшего товарища» [Маршак, с. 6]. Так сказал о Гайдаре Маршак.

И так как был он талантливым педагогом и товарищем, то ему не надо было подделываться «под детей». Гайдару противопоказаны сюсюканье и фальшь, а свойственна серьезность, о которой всегда говорят, и большая искренность. А оттого что он был веселым и «немножко себе на уме», во всех книжках Гайдара звенит это веселье и проглядывает доброе лукавство.

«Чук и Гек» написан о совсем маленьких ребятнишках для таких же малышей. Наверное, поэтому рассказ начинается очень привычно для детского слуха — как сказка: «Жил человек в лесу возле Синих гор» [Гайдар, с. 294]¹, почти «жил-был». Это голос рассказчика — веселого и доброго друга ребят. Но он не является единственным: уже в самом начале намечаются два плана, в которых будет вестись повествование. В первом, в основном, рассказ ведется с точки зрения его героев — Чука и Гека.

Часто эти два плана сближаются и даже сливаются, иногда они значительно расходятся, и один сменяет другой.

Например, характеристика матери дается с точки зрения ее сыновей: «А у этой мамы странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, а просто разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе» [295]. Странен мамин характер, конечно, для Чука и Гека, для Гайдара же в поведении матери нет ничего странного, а, напротив, все очень правильно и педагогично.

И вот пример того, как голос автора сливается с голосами героев. Чук и Гек на возражения матери заявили, «что они решили ехать не только тысячу, а даже сто тысяч километров. Им ничего не страшно. Они храбрые. И это они вчера прогнали камнями заскочившую во двор чужую собаку» [297]. Здесь прием косвенно-непрямой речи используется не просто для передачи слов мальчишек. Это утверждения и самого автора, который увлечен не меньше Чука и Гека, и «они храбрые» звучит без тени иронии. Гайдар же понимает: чтоб прогнать со двора чужую собаку, действительно, нужно проявить храбрость немалую. Но вслед за этим он смотрит на братьев уже со стороны: «И так они говорили долго, размахивали руками, притоптывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, все их слушала, слушала...» [297].

Так же со стороны смотрит Гайдар на Гека, рассказывая о его пике, которая получилась «до того крепкой, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то медведь сдох бы сразу» [297]. Вернее, здесь наложение двух планов:

о том, что медведь «сдох бы сразу», если ткнуть его пикой в сердце, думает Гек, а Гайдар соглашается с ним, но вносит поправку: да, сдох бы, если бы прежде «проколоть чем-нибудь острым его шкуру».

Как будто бы лукавое замечание. А дело здесь в честности Гайдара в отношении к детям. Если бы он заявил со всей категоричностью, что пикой Гека можно убить медведя наповал, это вызвало бы, пожалуй, сомнения читателей или слушателей, даже самых маленьких, и звучало бы насмешкой над Геком, потому что сам-то Гайдар в это не верит. И он слегка умеряет пыл Гека, причем делает это совсем не обидно.

Так же осторожен Гайдар и в описании сцены с козлом.

«Страшный» [304] — это более чем страшный, но в то же время в этом определении какая-то несерьезность.

«Противно мемекнул» [304] — эти слова хорошо передают состояние Чука и Гека: ведь «они храбрые», и не к лицу им пугаться, и они словно убеждают себя, что им не страшно, а именно противно, и потому лучше было бы, чтоб козел куда-нибудь ушел. Дальше следует такое предложение: «Тогда Чук и Гек поспешно укрылись за чемоданами, потому что кто его знает, что в этих краях козлам надо» [304]. Гайдар не говорит прямо: испугались, мол, спрятались. Он щадит их самолюбие и дипломатично сообщает, что братья «укрылись» за чемоданами. Ну, и немножко он над ними посмеивается.

Чук и Гек — два маленьких человека и два совершенно разных характера.

В самом начале рассказа братья кажутся нам очень похожими друг на друга. Гайдар показывает их все время рядом, он постоянно говорит о них: Чук и Гек, Чук с Геком, «они разом надулись и засопели» [296], «они в голос заявили...» [297]. Даже дерутся они одинаково: «только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму...» [295].

Но, объясняя причину ссоры, Гайдар впервые рассказывает сначала о Чуке, а потом о Геке, и здесь обнаруживается, что они совершенно разные люди: Чук — «запасливый» [297]. Показывая это, Гайдар дает очень обстоятельное описание содержимого коробочки Чука. Он объясняет, что это была «плоская металлическая коробочка», и неторопливо и подробно рассказывает о каждом предмете: откуда он взялся и для чего предназначен («галчинье перья для стрел», «конский волос для китайского фокуса»). Характерно замечание о конфетных обертках: Чук брал их только, «если там был нарисован танк, самолет или красноармеец» [297]. Надо

полагать, что обертки с цветочками, куколками и прочими девчоночьими картинками у Чука не хранились. С точки зрения мальчика Гайдар и называет коробочку «драгоценной» [298], а все вещи, хранящиеся в ней, — «очень нужными» [297].

Гек «до вещей был не завистлив и не жаден» [302], и поэтому Гайдар через несколько страниц отзывается совсем иначе о гвоздях, кусках крученой бечевки, резиновых коробках, которые охотно дали Чуку пассажиры. Уже с точки зрения второго брата он называет эти вещи «всякой ерундой» [302].

И в дальнейшем это различие братьев все время подтверждается. Вот первое доказательство: выход из трудного положения с телеграммой находит, конечно, практичный, смекалистый Чук. Начинает он очень нерешительно: «Знаешь, Гек, а если мы маме про телеграмму ничего не скажем?» [299]. Он еще сомневается, можно ли так сделать или это нехорошо все-таки. Совесть подсказывает, что нехорошо, но Чук пытается сначала просто заглушить ее голос, немного бравирует: «Подумаешь — телеграмма!» [299]. Потом ему в голову приходит нечто вроде довода: «Нам и без телеграммы весело». Аргумент самый детский: главное в жизни, чтоб было весело. Гек охлаждает брата замечанием о том, что «мама за вранье еще хуже сердится». Итак, все рушится. Но неожиданно для самого себя Чук находит выход: «А мы не будем врать. Если она спросит, где телеграмма, — мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперед выскакивать?». И окончательно убеждает себя и Гека: «Мы не выскочки». Гек подчиняется: «Это ты хорошо, Чук, придумал» [299].

Но особенно ярко различие братьев проявляется в их разговоре о волшебниках. Чук никак не может понять Гека, он все время спрашивает брата с неба на землю. Гек толкует, конечно, о добрых волшебниках, а Чук добросовестно вспоминает всю нечистую силу: и чертей, и ведьм. Гек фантазирует, хочет, чтобы и Чук помечтал вместе с ним о том, как волшебник полетит к отцу и скажет, что сыновья ждут его. А Чук не может представить этого, пока доподлинно не узнает, каким таким образом можно осуществить волшебный полет. Геку такое и в голову не приходит: на то они и волшебники, чтобы делать все чудесным образом. А Чук никак не может оторваться от земли. И вот какой совершенно неожиданный оборот получает у него мысль об использовании волшебниками своего могущества: «Да, я так думаю, и все волшебники должны быть жуликами. Ну, скажи, зачем ему работать, раз он и так во всякую дыру пролезть может? Знай только хватай, что надо...» [317]. И разговор

заканчивается тем, что Чук все эти фантазии брата называет ерундой. Этим Гайдар еще раз подчеркивает их противоположность: самое важное для одного является ерундой для другого.

Гайдар далек от того, чтобы делать какие-либо выводы, он и не осуждает Чука, но о Геке рассказывает больше, охотнее. Почти никогда в рассказе не говорится только об одном Чуке: Чук всегда или с Геком, или с матерью. А Гек просыпается ночью и видит мир совсем не таким, каким видят его все люди днем. И это недаром: ведь ночь — пора мечтателей. Правда, Гайдар объясняет эти ночные бдения весьма прозаически: «Конечно, Геку ночью захотелось пить» [306].

Часто Гайдар передает размышления Гека. Особенно интересно одно из них: «И если ему было весело, то он думал, что и всем на свете людям хорошо и весело тоже» [315].

Через год после рассказа «Чук и Гек» Гайдар написал повесть «Тимур и его команда», которая заканчивается такими словами главного героя: «Я стою... я смотрю. Всем хорошо! Все спокойны. Значит, и я спокоен тоже!» [416]. Казалось бы, прямо противоположные взгляды. Но разница между этими мальчиками только в возрасте. И когда Гек подрастет, он тоже поймет, что хорошо ему может быть только тогда, когда всем хорошо, все спокойны.

С Геком связаны и самые серьезные думы самого Гайдара. Мальчику снится «угрюмый сон» [307]. Этот тревожный пророческий сон передает тревогу Гайдара. Он говорит об угрозе фашизма, в котором видит страшную, мрачную силу.

«Постойте! — кричал им Гек. — Вы не туда идете! Здесь нельзя» [307]. Это стремление разумом остановить страшного Турворона и его солдат.

Гайдар понимает невозможность этого: «Но никто не постоял и его, Гека, не послушали» [307]. Но этот малыш, оказавшийся один на один с ползушей ему навстречу темной силой, если и растерялся, то лишь на мгновение, и он не кажется слабым и беспомощным, потому что за ним сила, великая в своей справедливой каре, и потому, что он тоже знает военную тайну.

«В гневе тогда выхватил Гек жестяную сигнальную дуду, ту, что лежала у Чука в картонке из-под маминых ботинок, и загудел так громко, что быстро поднял голову задумчивый командир железного бронепоезда, властно махнул рукой — и разом ударили залпом его тяжелые и грозные орудия» [307–308].

И замечательно последнее, полное глубокого смысла замечание: «Хорошо! — похвалил Гек. — Только стрельните еще, а то одного

раза им, наверное, мало». Гайдар, старый солдат, все понимал, он не строил никаких иллюзий и знал, что «предстоит бой, равного которому на земле никогда еще не было» [308].

Гайдар — особенный писатель. А особенный он потому, что ему, взрослому человеку, свойственна детская ясность взгляда, восприятие мира без полутонов: веселый — печальный, добрый — злой, плохой — хороший. Из-за этого мир внешний, реальный в гайдаровских произведениях преломляется и отражается уже под иным углом, причем искажения не происходит, потому что это совсем не ведет к упрощению и примитивизму, нет: Гайдар не избегает сложностей, не сглаживает углов, и подтверждением этому может быть любое произведение Гайдара, а «Военная тайна» и «Судьба барабанщика» в особенности. Но от ясности мир Гайдара приобретает особенную чистоту и яркость.

Вот пример того, как происходит преломление обычных реальных явлений.

«Выскочили на дорогу и затанцевали два белых пушистых зайца» [305]. Вполне обычная картина, обыкновенные зайцы. Но Чук с Геком, да и Гайдар видят их совсем не так, как любой взрослый. Гайдар говорит: «Весело умчались в лес озорные зайцы» [305]. Ведь нормальным зайцам положено было бы испугаться и со страху (а никак не весело) умчаться в лес. Да так оно и есть, если взглянуть здраво и рассудительно. Но в том-то и дело, что Гайдар вместе с Чуком и Геком смотрят не здраво и не рассудительно. И мы, читая, видим уже не обычных пугливых животных, а совсем других, словно из мультфильма, — веселых и озорных.

Или вот самая первая строчка: «Жил человек в лесу возле Синих гор». Ведь сообщается самый обычный реальный факт о том, что один какой-то человек работает где-то далеко в лесу, в горах. Но говорит об этом Гайдар необычно. Он не называет горы каким-нибудь настоящим географическим названием, он говорит: Синие горы. Получается по-сказочному ярко (недаром у Кассиля Синегория — в сказке).

И еще Гайдар говорит: «возле Синих гор», а не «у подножия», например (не говорим же мы: возле Урала, возле Алтайских гор). От этого «возле» человек становится как бы соизмеримым с горами, нарушаются реальные пропорции и усиливается сказочность.

Необычностью видения мира объясняется своеобразие гайдаровского стиля.

Язык автора близок к разговорному, причем Гайдар часто использует разговорную лексику в тех случаях, когда, казалось бы, нужны обычные нейтральные слова. Гек «растолкал» [300] маму — вместо более спокойного «разбудил», или: «вытянули у отца из ящика всю папиросную бумагу» [322] — вместо «достали» или просто «взяли». Вообще отсутствие «равнодушных» слов очень характерно. Гайдар никогда не успокаивается, одна эмоция сменяется другой. Не позволяет успокаиваться он и читателям.

Но особенно интересно у Гайдара построение фраз. Прежде всего, это постоянные инверсии: «разом все уснули» [306], «Русскую печь мать топить не умела» [314]; постпозиция глаголов: «Вероятно, отец телеграмму о их выезде не получил и поэтому лошадей на станцию он за ними не прислал» [304]. И особенно выделяются предложения с союзом «тоже». У Гайдара этот союз никогда не стоит на положенном ему месте: перед глаголом или наречием — он всегда на конце предложения. Такое постпозитивное употребление этого союза встречается и в авторской речи, и в речи героев.

«Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже» [296]. «И, конечно, задумчивый командир бронепоезда слышал этот звон тоже» [325], — это сам Гайдар. Вот говорит мать: «Я под кровать не полезу... и выть не буду тоже» [305]. Чук: «Да, он обрадуется... И я удивлюсь и обрадуюсь тоже» [304].

Такое употребление союза создает совершенно особенную интонацию предложений, как, впрочем, и все другие инверсии.

Очень часто Гайдар использует обратный порядок слов, и тогда на первом месте в предложении появляются наречия или прилагательные: «Удивительная это была прогулка!» [315], «Грозно торчали из башен укутанные брезентом орудия» [303]. Обычно это эмоционально окрашенные слова. Поставленные на первое, необычное место, они выделяются еще больше.

Инверсивность эта обусловлена непосредственностью построения предложений в разговорном языке, а разговорность вызвана гайдаровской близостью к детям, которые ведь, прежде всего, овладевают разговорным языком.

В противоположность этому в речи героев часто можно встретить и конструкции, соответствующие более упорядоченной письменной речи. Наиболее характерно в этом отношении обращение Гека к медведю: «Злобный медведь, что тебе надо? Мы так долго едем к папе, а ты хочешь нас сожрать, чтобы мы его никогда не увидели?.. Нет, уходи прочь, пока люди не убили тебя метким ружьем

или острой саблей!» [307]. Это целый монолог, тщательно отделанный и звучащий величаво-эпически, чему во многом способствуют эпитеты в словосочетаниях: «злобный медведь», «меткое ружье», «острая сабля». Они воспринимаются здесь как постоянные эпитеты из народных сказок.

Кстати, для речи героев Гайдара характерны некоторые фольклорные элементы. Часто можно встретить синтаксические параллелизмы («Что за беда? Что за стрельба?», 319), анафоры («Ты — хозяин... Ты достань, ты и угощай», 313) и какие-то особенные противопоставительные интонации: «Мы пришли, а его нет. Он надел пальто и куда-то ушел» [319]. Или: «Двери на замках, крыльцо в снегу, а куда же девались люди?» [309].

И эта необычность стиля, когда Гайдар пишет, как говорит, а герои его говорят, как в сказе или в сказке, очень хорошо соответствует необычности гайдаровского мира.

Примечания

¹ Все дальнейшие ссылки даются по этой книге (в скобках указываются страницы). Первая публикация повести «Чук и Гек» была в 1939 г.

Источники

Гайдар А. Сочинения. М.; Л., Детгиз, 1949. Т. 2.

Исследования

Маршак С. Памяти Гайдара // Жизнь и творчество А. П. Гайдара. М.; Л., Детгиз, 1951.